

МЕМОАРЫ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ

ЛЕОН ДЕГРЕЛЬ

ЛЮБИМЕЦ
ГИТЛЕРА

РУССКАЯ КАМПАНИЯ
ГЛАЗАМИ ГЕНЕРАЛА СС

Леон Дегрелль
Любимец Гитлера. Русская
кампания глазами генерала СС
Серия «Мемуары Второй мировой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056214
Любимец Гитлера. Русская кампания глазами генерала СС : Алгоритм; М.:; 2013
ISBN 978-5-4438-0403-3

Аннотация

Мемуары командующего 28-й добровольческой дивизией СС «Валлония» были впервые изданы в 1949 году за границей. Советскому и российскому читателю они были неизвестны, несмотря на то что воспоминания гитлеровского военачальника посвящены в основном войне на Восточном фронте. И вот впервые в России – полный перевод этого произведения на русский язык.

Леон Дегрелль – бельгийский военный и политический деятель ультраправого толка. Один из основателей и лидер Рексистской партии Бельгии, человек, сделавший головокружительную карьеру в войсках СС. Он был тем, о ком Адольф Гитлер говорил, что хотел бы видеть своего сына похожим на него.

Содержание

Предисловие	4
I	8
Завоеванная Украина	12
Днепропетровск	15
Фронт в грязи	17
Деревня	20
II	22
Ледяные дороги	24
Рождество в Щербиновке	27
Итальянцы Донбасса	29
Воющая степь	31
Казаки	34
Роза Люксембург	38
Оттепель и мороз	41
Адские дни	44
Громовая балка	48
Ледяной фронт	52
III	54
На крик кукушки	57
Жаблинская	60
Пятьдесят градусов	63
Берега реки Донец	66
Кровь и засады	69
В сторону Азии	72
IV	74
Форсирование Дона	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Леон Дегрелль

Любимец Гитлера. Русская кампания глазами генерала СС

В память и во славу двух тысяч пятисот бельгийских добровольцев из легиона «Валлония», героически погибших на Восточном фронте в 1941—1945 годах в борьбе против большевизма, за Европу и за свою Родину.

Предисловие

В 1936 году я был самым молодым политическим лидером в Европе.

Когда мне было двадцать девять лет, я заставил содрогнуться мою страну до самых кровавых ее глубин. С большой верой и страстью за мной шли сотни тысяч мужчин, женщин, юношей и девушек. Как ураган, я вбросил в бельгийский парламент десятки депутатов и сенаторов. Я мог стать министром: мне надо было лишь сказать слово и принять участие в политической игре партий.

Я предпочел быть вне официальной политиканской трясины, выбрав суровую борьбу за порядок, справедливость, чистоту, поскольку был одержим идеалом, не допускавшим ни компромиссов, ни колебаний.

Я хотел избавить мою страну от диктата сил денег, которые коррумпируют власть, разъедают государственные учреждения, загрязняют совесть людей, приводят к краху экономики, труд.

Анархическому режиму старых партий, пораженных проказой политико-финансовых скандалов, я хотел легальными средствами противопоставить создаваемое мной государство сильное и свободное, организованное, ответственное, выражающее настоящую энергию народа.

Речь шла ни о тирании, ни о диктатуре. Речь шла о здравом смысле. Страна не может жить в беспорядке, в некомпетентности, в безответственности, неуверенности, гнилой коррупции.

Я требовал авторитета в государстве, компетентности в общественных делах, последовательности в национальных делах, реального, живого контакта между массами и властью, умного и продуктивного согласия между гражданами, которых разделяли и противопоставляли только искусственные распри: борьба классов, религиозные разногласия, языковые различия, тщательно и заботливо подпитываемые и поддерживаемые, так как представляли саму жизнь противоборствовавших партий, с одинаковым лицемерием театрально оспаривавших или деливших между собой привилегии власти.

Я устремился с метлой в руках в гущу этих коррумпированных банд, истощавших силу моей Родины. Я их перетряхнул и высек. Я разрушил перед народом убеленные алтари, за которыми они прятали свои мерзости, свой разбой, свои преступные сговоры. Как ветер молодости и идеализма, вея над моей страной, я вдохновил духовные силы, возродил высокую память борьбы и славы народа стойкого, трудолюбивого, жизнелюбивого, достойного изобилия и красоты.

Организация REX стала реакцией на коррупцию, продажность той эпохи. REX стала силой политического обновления и социальной справедливости. REX был особенно страст-

ным порывом, выплеском тысяч душ, хотевших дышать, светиться, подняться над низостью режима и времени.

Такой была борьба до мая 1940 года.

Вторая мировая война – которую я проклял – изменила все в Бельгии, как и в других странах. Старые учреждения, общественные институты, старые доктрины рухнули, как замки из сухого дерева, давно уже замшелого.

REX никоим образом не был связан с победоносным Третьим рейхом, ни с его главой, ни с его партией, ни с каким бы то ни было из его руководителей или его пропагандистов. REX был по существу движением исключительно национальным, абсолютно независимым. В захваченных архивах Третьего рейха не нашли ни малейшего следа какой-либо связи, прямой или косвенной, рексизма с Гитлером до вторжения в 1940 году. Наши руки были чисты, наши сердца были чисты, наша любовь к Родине – горячая и ясная – была чиста от всякого компромисса.

Немецкий натиск оставил нашу страну изнемогающей.

Для восьмидесяти девяти процентов бельгийцев и французов война в июле 1940 года была закончена; доминирование рейха было, впрочем, реальностью, к которой старый демократический и финансовый режим горел желанием адаптироваться как можно быстрее.

Было своего рода соревнование, кто из хулителей Гитлера в 1939 году быстрее всех бросится в ноги победителю 1940 года: руководители крупных левых партий, финансовые магнаты, владельцы самых влиятельных газет, государственные министры-масоны, бывшее правительство, – все просили, выклянчивали благосклонность, возможность сотрудничества.

Разве можно было отдавать позиции дискредитированным призракам старых партий, финансовым гангстерам, для которых золото – единственная родина, или темным продажным бандитам, разбойникам без таланта, без достоинства, готовым на самую гнусную работу прислуги для удовлетворения своей жадности или своих амбиций?

Проблема была не только патетической: она была срочной, требовавшей безотлагательного решения. Почти всем наблюдателям немцы казались окончательными победителями. Надо было решаться. Могли ли мы из-за страха ответственности оставить нашу страну плыть по течению?

Я раздумывал многие недели. И только после того как я спросил и получил на высоком уровне одобрительное мнение, я решил возобновить издание газеты рексистского движения «Настоящая страна».

Бельгийское сотрудничество с немцами, начатое в конце 1940 года, происходило тем временем в гнетущей атмосфере. По всей очевидности, германские оккупационные власти больше интересовали силы капитала, а не идейные силы. Никому не удавалось точно узнать, что замышляла Германия.

Бельгийский король Леопольд III изъявил очень смелое желание прояснить ситуацию и добиться уточнения. Он попросил у Гитлера аудиенции, которая была получена. Но, несмотря на свою добрую волю, король Леопольд вернулся из Берхтесгадена не получив и не узнав ничего нового.

Было ясно, что нашей стране нужно дожидаться мира. Однако мир пришел бы слишком поздно. До конца военных действий надо было добиться права вести эффективные переговоры и с достоинством говорить от имени древнего и гордого народа.

Как добиться такой возможности?

Сотрудничество внутри страны было всего лишь делом достаточно медленного вложения сил, своеобразным изматыванием в борьбе за влияние, борьбе повседневной и раздражающей, которую вели темные «мелкие сошки». Эта работа не только не дала бы никакого престижа тому, кто ею занимался, но и могла бы дискредитировать его.

Я не хотел попасть в эту ловушку. Я искал, я ждал другого. Это другое случилось внезапно: этим стала война 1941 года против Советов.

Это был уникальный случай, возможность для нас добиться уважения рейха через сражения, страдания и славу.

В 1940 году мы были побежденными, наш король был пленным королем.

В 1941 году внезапно нам представилась возможность стать соратниками и равными с победителями. Все зависело от нашего мужества. Наконец-то мы имели возможность завоевать достойную позицию, которая позволила бы в день реорганизации Европы говорить с высоко поднятой головой от имени народа, пожертвовавшего свою кровь.

Определенно, устремляясь к сражениям в восточные степи, мы хотели исполнить наш долг европейцев и христиан, но, мы это говорим открыто, мы это заявили прямо и ясно с первого дня, мы прежде принесли в жертву нашу молодость, мы отдали нашу молодость прежде всего для того, чтобы гарантировать будущее нашего народа внутри спасенной Европы. Это за нее прежде всего погибли многие тысячи наших товарищей. Это за нее сражались тысячи мужчин, сражались четыре года, страдали четыре года, поддерживаемые этой надеждой, подкрепляемые этой волей, усиленные уверенностью, что они придут к цели.

Рейх проиграл войну. Но он мог бы определенно ее выиграть. До 1945 года победа Гитлера оставалась возможной.

Гитлер-победитель, я в этом уверен, признал бы за нашим народом право жить и быть великим, право, которого добились для него тысячи наших добровольцев.

Добиться внимания рейха им стоило двух лет эпических сражений. В 1941 году бельгийский добровольческий легион «Валлония» не был замечен. Наши солдаты должны были совершить многие подвиги, сотни раз рисковать своей жизнью, чтобы водрузить имя своей страны на уровень легенды. В 1943 году наш добровольческий легион стал знаменитым на всем Восточном фронте своей идейностью и отвагой. В 1944 году он достиг вершины своей славы во время одиссеи при Черкассах. Немецкий народ больше, чем какой-либо другой, восприимчив к воинской славе.

Наш моральный дух оказался уникальным в рейхе, намного выше любого другого из оккупированных стран.

Я два раза долго видел Гитлера. В тот год это был визит солдата, но визит, ясно показавший мне, что мы выиграли партию. С силой пожимая мне руку двумя своими руками в момент прощания, Гитлер сказал мне дрожащим от волнения голосом: «Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он стал таким, как вы». Как после этого отказать моей родине жить в чести? Мечта наших добровольцев была достигнута: в случае немецкой победы они блестяще обеспечили возрождение и величие своего народа.

Победа союзников временно сделала ненужным это ужасное усилие четырех лет боев, жертвы наших погибших, голгофу выживших.

Сегодня мир с яростью обрушивается на побежденных. Наши солдаты, наши раненые, наши калеки были осуждены на смерть или заключение в гнусных лагерях и тюрьмах. Нет уважения ни к чему – ни к чести солдата, ни к нашим родителям, ни к нашим семьям.

Но невзгоды не сломят нас. Величие никогда не бывает напрасным, бесполезным. Ценности, завоеванные в боли и жертвах, сильнее, чем ненависть и смерть. Как солнце, возникающее из глубоких ночей, эти ценности рано или поздно воссияют.

Будущее пойдет намного дальше этой реабилитации. Оно не только воздаст честь героизму солдат на Восточном фронте во время Второй мировой войны, оно скажет, что они были правы в отрицании, так как большевизм есть конец всяким ценностям; что они были правы в положительном, так как объединенная Европа, за которую они сражались, была единственной возможностью выжить, может быть, последней возможностью для старого

чудесного континента, бухты нежности и страсти людей, но изуродованного, разорванного, расчлененного до смерти.

Придет день, когда будут горько жалеть о поражении в 1945 году этих защитников и этих строителей Европы.

А пока скажем правдивыми словами, какой была их эпопея, как они сражались, как страдали их тела, какими самоотверженными были их сердца.

Через эту эпопею бельгийских добровольцев, одной части из сотен частей, вновь встанет перед глазами весь русский фронт с солнечными днями побед, с еще более волнующими днями больших поражений – поражений, навязанных материей, но которые не принимал дух наш.

Там, в бесконечных степях, люди провели часть своей жизни.

Читатель, друг или враг, посмотри, как они воскресают, потому что мы живем в то время, когда нужно долго искать, чтобы найти настоящих мужчин, а они были такими до мозга костей, ты это увидишь.

Л. Д.

I

Бросок на Украину

22 июня 1941 года началось как и все добрые летние воскресенья.

Я рассеянно повернул рычажок радиоприемника. Вдруг меня зацепили слова: войска Третьего рейха перешли европейскую границу СССР!

Польская кампания 1939 года, норвежская кампания, голландская, бельгийская и французская в 1940 году, военные операции в Югославии и Греции весной 1941 года были всего лишь предварительными или отвлекающими. Настоящая война, та, в которой будет разыграно будущее Европы и мира, только что началась. Это не была больше война границ и интересов. Это была религиозная война, и, как и все религиозные войны, она была безжалостной.

Прежде чем бросить свои танки в степи, рейх долго хитрил, как кот на охоте.

Национал-социалистическая Германия 1939 года переживала беспрецедентное напряжение, но она распрямилась посреди таких электрических разрядов, в громе и ослепительном свете таких мощных бурь, что вся Европа, весь мир почувствовал дрожь. Если бы все ее западные враги обрушились бы на Рейнскую область и Рурский бассейн, если бы в то же время советская масса покатила на Восточную Пруссию и Берлин, то Гитлер сильно рисковал бы быть задушенным. Он охотно повторял, что Вильгельм II проиграл войну 1914—1918 годов из-за того, что ему не удалось избежать войны на два фронта. Он собирался сделать и допустить вдвойне худшее. И однажды увидят, как бок о бок по руинам дворца рейхсканцелярии в Берлине прогуляются не только шотландцы и мужики, но и негры Гарлема и вкрадчивые, хитрые киргизы азиатских степей.

В августе 1939 года, накануне вторжения в Польшу, Гитлер в последний момент избежал этого удушения.

Сталин должен был только свести свои старые счета с национал-социализмом: его сотрудничество с союзниками казалось заранее установленным и гарантированным. Лондон и Париж послали советскому царю военные миссии, которые были преданы широкой, яркой и звонкой огласке. В течение этого времени в полном секрете Гитлеру удалось ослабить веревку.

Сталин так же, как он, сыграл ловко. Он был сильно заинтересован сначала в том, чтобы ослабить плутократические демократии и национал-социализм. Он был врагом как одних, так и другого. Чем больше они ослабеют, тем легче в конечном счете будет задача для коммунистов. Сталин вел свою игру как хитрый азиат и главарь международной банды, уверенный в своих людях. Он смог открыто обозначиться союзником Третьего рейха. В целом мире коммунистическая дисциплина была абсолютной.

Результаты этой необычной солидарности сразу же почувствовались. Мировая война была официально и «целомудренно» развязана. Поскольку Гитлер захватил Польшу, Сталин сделал то же двумя неделями позже... Никто в союзнических канцеляриях не осмелился отреагировать.

Тем не менее советский вождь вонзил нож в спину покачнувшейся Польши. Он смог это сделать безнаказанно. Он аннексировал более трети ее земли. Союзники не решились объявить войну правительству СССР.

Это моральное и военное отречение придало коммунистическим бандам, рассеянным по всей Европе, непоколебимую уверенность. Сталина испугались! Перед ним отступили! То, что было нетерпимым исходя от Гитлера, было терпимым исходя от Советов!

Союзники проглотили, как ужи, жабы, скорпионы, мораль и принципы, потому что они боялись укрепить альянс Сталина с Третьим рейхом. Они также боялись саботажа,

тщательно подготовленного или в стадии подготовки, различных коммунистических партий внутри каждой из союзнических стран. Интерес, выгода, как всегда, возобладали над любыми другими соображениями.

В реальности все длилось не более двух недель. С сентября 1939 года у союзников была только одна мысль и цель: не нервировать СССР, обозначить примирение со Сталиным, несмотря на его агрессию в отношении их союзника – Польши.

Сталин мог предпринимать многие диктаторские действия, положить конец независимости Эстонии, Латвии и Литвы, вырвать у румын Бессарабию. Важно было одно: сделать возможным изменение направления вектора лагеря русских.

Менее чем через два года это было сделано.

Германия в 1939 и в 1940 годах выиграла сражения в Польше, Норвегии и на Западе. Но она воевала уже более пятисот дней, не достигнув главного: победоносно высадиться на английской земле.

Англия, со своей стороны, в 1941 году также не ступила пока на Европейский континент: Черчилль говорил о многолетней подготовке.

Таким образом, путь для Сталина был свободен. Свободен в направлении рейха. Особо свободен на Балканах.

Игра становилась все более и более напряженной. Немцы умело выдвинули свою пехоту в направлении Бухареста, Софии, Белграда. Необдуманый поступок Югославии, разорвавшей в мае 1941 года пакт, заключенный с рейхом неделей раньше, привел к решающему событию. Советы, тайные подстрекатели операции, смотревшие дальше, чем игрушка британского шпионажа – молодой король Петр, публично телеграфировали о своей симпатии к югославскому правительству.

Конечно, бронетанковые войска немцев в две недели смели Белград, Сараево, Салоники и Афины, десантники маршала Вринга оккупировали остров Крит. Но германо-советский разлом был явным. С тех пор альянс с рейхом отжил свое. Он принес Советам все то, что Сталин мог ожидать: свежий кровавый кусочек Польши, три прибалтийские страны, важные позиции в Финляндии, прекрасную Бессарабию.

Гитлеровский «лимон» был полностью выжат. Пришло время выжать и второй «лимон» – демократический. Известно, какой сок в конце концов дал этот лимон Советам в 1945 году: оккупацию территорий, населенных двумястами миллионами европейцев и азиатов, Красную армию, разместившуюся в Тюрингии, на Эльбе, перед Любеком, в Петсамо, в Манчжурии, в Корее, на Курилах!

Югославский вопрос, претензии, заявленные Молотовым, на Балканы, военные приготовления Советов в течение весны 1941 года не оставили Гитлеру сомнения в отношении амбиций СССР. Чем больше бы он промедлил, тем более неспособен был бы принять удар. С целью концентрации своих сил на востоке он временно отказался от своего плана вторжения в Англию. Он попытался различными средствами найти мирное урегулирование конфликта, разделявшего Германию и Соединенное Королевство. Это было слишком поздно. Англичане не были расположены отменять матч: он начался и больше не остановится.

В течение двух лет каждая страна с холодным спокойствием просчитала все, сделала свои подсчеты по тысячелетнему закату национального эгоизма и выгоды.

В конце все пришли точно к одним и тем же заключениям. Русские, ловко подталкиваемые англичанами и стимулируемые новыми приманками, рано или поздно нападут. Немцам, чувствующим, что игра началась, ничего не оставалось, как опередить. 22 июня 1941 года началась смертельная битва между национал-социалистическим рейхом и Советской Россией: два империализма, две религии, два мира покатались по земле в скрипучих песках Востока.

* * *

Англия, изолированная от Европы морем, имея свои главные богатства разбросанными по дальним землям, могла точно не чувствовать важности дуэли. Она реагировала, думая больше о своем сиюминутном, непосредственном интересе – освобождении Острова, чем о судьбе Европы, если Советы будут однажды победителями.

Зато для нас, народов Европейского континента, эта битва была решающей.

Если побеждает национал-социализм, Германия, то она будет владеть на Востоке сказочно богатыми землями, примыкающими прямо к ней, прямо связанными с ней железными дорогами, реками, каналами, открытыми ее организаторскому и производственному гению. Великий германский рейх в полном возрождении, имеющий замечательную социальную арматуру, обогащенный этими сказочными землями, простирающимися огромным блоком от Северного и Черного моря и до Волги, достигнет такой мощи, будет иметь такую притягательную силу, предоставит двадцати народам, забывшим Старый Свет, такие возможности расцвета и развития, что эти территории составят стартовую базу для неизбежной европейской федерации, о которой говорил Наполеон, о которой думал Ренан и которую воспевал Виктор Гюго.

Если бы, напротив, победили Советы, кто бы в Европе смог им сопротивляться, как только огромный германский бастион был бы разрушен? Обескровленная Польша? Прогнившие, хаотичные, оккупированные, прирученные, забытые Балканы? Обезлюдевшая Франция, не имеющая никакого оппозиционного слова перед лицом двухсот миллионов азиатов и большевистской идеологии, раздутой победой? Греция, Италия – очаровательные болтуны, со своими бедными народами, застывшими на солнце, как ящерицы? Мозаика маленьких европейских наций, выживших в тысячелетней гражданской войне, неспособных купить по сто танков каждая? Если Советы побеждают рейх, тогда Сталин ляжет на тело Европы, неспособной к сопротивлению и готовой для насилия.

Конечно, потом попытаются спасти эту на три четверти советизированную Европу. Вчерашние союзники испугаются, поскольку СССР не удовлетворится этой близкой добычей, потому что его жадные руки сразу после окончания Второй мировой войны потянутся к Тихому океану, к Китаю, к Персидскому заливу, к Средиземному морю, к Суэцкому каналу, разоряя колонии, сырьевые ресурсы, крупные международные тресты.

Но англо-американцы не будут больше стараться спасти Европу для Европы: просто они постараются сохранить на Западе трамплин, позволяющий им уберечь их империализм и реагировать на империализм советский, даже, если надо будет, однажды превратив этот трамплин в огромное поле развалин атомными ударами.

Мы, сыны Европы, думали о жизни Европы.

Какой бы ни была наша оценка способа, которым война была развязана, какое бы мы ни чувствовали сожаление о прошлом, какой бы ни была горькой иностранная оккупация наших родных стран, каждый из нас понял что-то намного более важное, чем удовлетворение или неприятности, которые ощутили с 1939 по 1941 разные европейские страны, ибо на карту была поставлена судьба всей Европы.

Этим объясняется необычный подъем бесчисленного множества молодых людей от Осло до Севильи, от Антверпена до Будапешта.

Тех, кто покинул свои родные семейные очаги в Ютландии или Босе, в Арденнах или в Пуште, в Лимбурге или Андалузии не для того, чтобы служить частным интересам Германии. Они отправились на войну, чтобы защитить две тысячи лет самой высокоразвитой цивилизации. Они думали о Баптистерии Флоренции и о соборе в Реймсе, об Алькасаре в Толедо и о колокольне в Брюгге. Они погибли там без счета не за служебные посты в Бер-

лине, но за свои древние страны, позолоченные веками, и за общую родину, Европу – Европу Вергилия и Ронсара, Европу Эразма и Ницше, Рафаэля и Дюрера, Европу святого Игнатия и святой Терезы, Европу Великого Фридриха и Наполеона Бонапарта.

Между этой тысячелетней Европой и ужасной советской лавиной уравниловки и кишащего потока ее народностей их выбор был сделан. Вся молодежь поднялась по всем четырем сторонам света. Гиганты-блондины скандинавы и прибалты, мечтательные венгры с длинными усами, коренастые и чернявые румыны, испанцы со смоляными глазами, зубоскалы-французы, датчане, голландцы, швейцарцы, англичане, канадцы, австралийцы, южноафриканцы и новозеландцы, в целом около пятидесяти, все-таки пятидесяти народов.

Тысячи бельгийцев собрались по языковому принципу внутри Фламандского легиона и Валлонского легиона. Они составили сначала два батальона, затем в 1943 году две бригады, потом в 1944-м – две дивизии: дивизию «Валлония» и дивизию «Фландрия».

Я же в течение сорока шести месяцев был одним из этих добровольцев Европы и познал со своими товарищами самую грандиозную и ужасную эпопею, я продвигался пешком в течение двух лет до порога Азии, потом бесконечно отходил от Кавказа до Норвегии, прошел от опьянения наступлений 1941 и 1942 годов до горькой славы поражения и изгнания, в то время как по половине обескровленной Европы распространялась желтая волна победителей-Советов.

Завоеванная Украина

В октябре 1941 года нужно было две-три недели, чтобы покрыть путь от границы рейха до русского фронта.

Мы проезжали Лемберг, где трамваи разведали по ветру маленькие украинские флажки, желтые и голубые. Едва мы проникли в деревни на юго-западе, мы сами могли судить о разрушениях, причиненных Советам: сотни бронемашин в кюветах вдоль дороги, каждый перекресток был кладбищем железа.

Зрелище длилось полчаса, затем следы боев исчезли. Мы прибыли в сердце Украины, Украины нетронутой, где в бескрайних покрытых грязью равнинах вставали сотни гигантских стогов, огромных, как дирижабли.

В мирных деревнях роились избы, белые или бледно-голубые хаты с толстыми, густыми соломенными крышами. Каждая избышка отделялась от другой рощицей молодых вишен, отливавших медью.

Стены были соломенные, глинобитные. Но местные мастера любовно вырезали из дерева простенькие скульптуры – птичек, цветы, стрелы, гирлянды, которые окаймляли маленькие окна. Это обработанное дерево было разрисовано, как и ставни, яркими цветами. Окна были двойными, герметично закрытыми, разделенными широкой, с ладонь, доской, на которой в вате лежали стеклянные игрушки, апельсины или помидоры из раскрашенного цемента.

Полные девки с плоскими скулами суеились перед маленькими фермами. Их светлые волосы были завязаны в синие или красные платки. Они были одеты в мольтоновые, плюшевые куртки, придававшие им вид лапландских скафандров. Обутые как казаки, они весело шлепали по грязи среди визжащих поросят.

Часами поезд стоял среди полей или перед затерявшимися домами. Мы покупали кур, которых варили в кипятке паровоза. Украинские мальчики с гордостью показывали нам свои домашние задания по немецкому языку. В тех же тетрадях мы читали на первых, а затем на последних страницах проверенную и исправленную осторожным учителем формулу. Детвору это, казалось, не смущало.

Некоторые встречи давали нам представление о том, чем были победы сентября – октября 1941 года: это были поезда, перевозившие в рейх фантастические орды пленных.

На каждой остановке мы бежали посмотреть на вагоны. В изумлении смотрели мы на этих мохнатых, желтоватых гигантов с маленькими сверкающими кошачьими глазками. Многие были азиаты. Они ехали стоя, по восемьдесят, даже по сто человек в каждом вагоне.

Однажды ночью нас разбудили ужасные крики. Мы стояли на вокзале. Мы спустились и открыли двери вагона с пленными: азиаты, прожорливые, как мурены, дрались, вырывая друг у друга куски мяса. Этими кусками мяса было человеческое мясо! Вагон дрался из-за мертвого монгола, рассеченного осколками консервных банок. Некоторые пленные почувствовали себя обделенными – отсюда эта свара. Обглоданные кости были выброшены наружу через решетки. Они были разбросаны, окровавленные, вдоль вагона на глинистой земле.

Мы узнали потом, что сотни тысяч людей, которых так набивали в вагоны, иногда стояли по три недели и кормились, когда была пища вблизи путей. Многие из этих азиатов, пригнанные из их диких степей, предпочитали жевать ребро какого-нибудь калмыка или татарина, чем подвергаться риску умереть с голоду. На одном вокзале я видел, как много людей рыли землю. Они вырывали красных земляных червей длиной с ладонь. Они их глотали, как яйцо. Кадыки этих червеедов двигались с явным удовольствием.

* * *

Однажды утром мы прибыли к реке Буг. Большой железный мост в долине был разрушен. Мы развязали наше имущество и расположились в городе Первомайске.

Нам снова удалось послушать сводку. Наше наступление было не таким блестящим, как нам говорили простак с железной дороги. Напротив, немецкое наступление замедлялось, Москва не была взята, Ленинград тоже; со стороны Ростова положение было также неясным. Оптимизм был еще велик, но уже была заметна некоторая сдержанность. Немцы под Первомайском мягко намекали на трудности дивизий, брошенных за тысячу километров от границ рейха.

Мы смотрели на грязь под ногами и думали об этом море грязной земли, отделявшем наши бывшие армейские базы от передовой. От Первомайска шла дорога к Днепру. Грузовики по оси погрязли там в грязи. Грязь была черной, густой, как битум. Самые мощные моторы останавливались, бессильные преодолеть ее.

Железнодорожные пути тоже были не для использования. Видимо, с царских времен к ним не прикасались; поезда передвигались с черепашьей скоростью; рельсы поднимались и опускались, как качели. Передвижение, перевозки были слабыми, хотя расширение путей было сделано с необыкновенной расторопностью.

Окончательно все губила необходимость перегрузок и пересадок личного состава. Когда мы достигли Буга, надо было пешком спускаться до самой глубины долины и подниматься по ее склонам грязной обходной дорогой на много километров. Этот путь был настоящей рекой: мы шли по колено в воде. И вот в таких условиях через разрушенные мосты надо было перевозить подкрепления для армии группы «Юг».

Немецкие армии были брошены на восток как в открытую могилу. Однако эта смелая операция определенно удалась бы, если бы война закончилась в очень короткий промежуток времени. Победоносные войска как-нибудь разобрались бы с проблемами на месте. Инженерные войска на свежую голову организовали бы сообщение с тылом, укрепили бы, обустроили дороги, навели мосты за несколько месяцев; это не было бы драмой.

К несчастью для рейха, война не закончилась в сроки, намеченные командованием. Дивизии еще пытались идти вперед, но осенний потоп полностью захватил степь. Обмундирование, снаряжение, горючее, необходимые подкрепления неделями тащились по России, расчлененной осенней распутицей.

Армия, которая сражается в бездне. И к тому же приближалась зима. В 1812 году точно в такое же время Наполеон с болью в душе вынужден был решиться оставить Москву.

Но армии рейха останутся в России. Однако речь в данном случае шла не об одной стреле прорыва, не об отдельном наступательном клине, но о целом фронте в три тысячи километров, простиравшемся от Белого до Черного моря!

Когда мы видели пустые вокзалы, разрушенные мосты, грузовики, утопавшие в грязи, мы не могли отогнать наши мысли о сотнях тысяч людей, брошенных вглубь России, которые должны были попытаться сделать то, что Наполеон не осмелился предпринять: продержаться, несмотря ни на что, среди голой степи, имея впереди себя врага, а сзади пустыню со снегом, что валит с небес, и с морозом, что разъедал тело и дух.

И тем не менее у нас была такая вера в непогрешимость и мудрость верховного немецкого командования, что мы не предавались излишним сомнениям и размышлениям. Война еще могла закончиться здесь до наступления больших холодов. Если нет, то все (видимо) было предусмотрено, определено, как и всегда.

Мы перегрузились в другой эшелон после того, как пересекли залитую долину Буга. Днем местность была спокойной, но ночью по поездам стреляли. Утром вдоль путей мы

замечали трупы советских солдат. Они пытались организовать одиночное, неорганизованное сопротивление. Это были отдельные выпады. Их выгнутые дугой тела лежали в длинных фиолетовых шинелях.

Начало сильно морозить. Утром на стоянках эшелона нам надо было разбивать лед в ямах, чтобы умыться. Мы были набиты по сорок человек в вагон вот уже семнадцать дней. Второго февраля очень рано мы преодолели большие противотанковые рвы, пересекавшие русские холмы.

Поезд шел под уклон. Мы ехали вдоль бесконечных обгорелых стен заводов. Затем перед нашими глазами внезапно возникла великолепная, чудесная голубая лента сверкающей бирюзы, омытая солнцем. Это был Днепр, шириной более километра.

Днепропетровск

Между Галичиной и Днепром мы почти не воевали. Как только мы достигли предместий Лемберга, бои по окружению группировки врага при Балте решили судьбу великолепной украинской равнины, усеянной кукурузой и пшеницей, большими бело-голубыми деревнями, украшенной тысячами вишневых садов. Бронетанковые войска рейха без препятствий продвинулись до Днепропетровска.

Бои на подступах к городу были жестокими. На кладбище возле вокзала осталось шесть сотен немецких могил. Горели целые улицы, но город еще держался. Проспект Карла Маркса, сразу переименованный в авеню Адольфа Гитлера, бесконечно простирался вдаль, как Елисейские поля.

Теперь война уже пересекла реку. Последнее явление этой войны при вступлении частей в жилые кварталы было скорее живописным, чем устрашающим: длинные вереницы пьяниц лежали, мертвецки одурманенные алкоголем, вдоль желобов и канавок, по которым из резервуаров, взорванных отступавшими большевиками, потоками стекало сто тысяч литров водки. Пьянчуги лакали алкоголь прямо из грязи, затем, тая от блаженства, пузом кверху ждали вступления в город победителей.

Сталинский режим организовал в городе большой строительный бум. Сначала мы были очень поражены, приближаясь к пригородам, когда увидели огромные кирпичные пролетарские здания, воздвигнутые Советами. У них были современные контуры. Строения были огромны и многочисленны. Бесспорно, коммунисты что-то сделали для народа. И если нищета крестьян была огромной, то, по меньшей мере, пролетарий, казалось, воспользовался новым временем.

Но надо было еще увидеть и осмотреть эти здания. Шесть месяцев мы жили в угольном бассейне Донецка. У нас было вполне достаточно времени, чтобы проверить наши предположения при вступлении в Днепропетровск. Эти конструкции, эти строения, такие впечатляющие издали, были всего лишь гигантским обманом, фальшивкой, предназначенной для того, чтобы мистифицировать интуристов и зрителей киноновостей.

Как только мы приближались к этим блокам зданий, мы чувствовали отвращение от вялого запаха грязи и испражнений, исходящего из болотистого окружения каждого из этих зданий. Вокруг них не было ни плит, ни камней, ни щебенки. Русская грязь царил там, как и повсюду. Отвод дождевых вод производился прямо через почву. Обветшалые трубы свешивались с водосточков и сбрасывали дождевую воду прямо на землю, в сторону. Стены были облупленными и потрескавшимися по всем направлениям. Использованные материалы по качеству были из самых худших. Балконы везде тоже потрескались. Цементные лестницы были выщерблены и изношены. Тем не менее этим зданиям было всего лишь несколько лет.

На каждом этаже было несколько квартир, выбеленных известкой, с маленькой коммунальной кухонькой на несколько семей. Электрические провода свисали гирляндами. Стены были глинобитными, и невозможно было вбить гвоздь, так как они рассыпались.

Как правило, водоснабжение не работало. Пролетарской популяции не удавалось установить санузлы, она справляла свои естественные надобности прямо вокруг зданий, что превращало округу в огромную выгребную яму. Холода способствовали отвердеванию этих «хранилищ», которые при каждой оттепели оттаивали, распространяя вонь. В конечном счете эти квартиры оказывались более некомфортабельными, чем жалкие избы, где на самой богатой и плодородной земле в Европе миллионы русских крестьян существовали посреди мрачной нищеты, одетые в лохмотья, обноски, поедая пищу из общих мисок ложками, вырезанными прямо из кусков дерева.